

Сцена из спектакля «Месяц в деревне» в постановке Национального театра ПНР.

Фото Ренарда ДУДЛЕЯ (ВАРШАВА)

12 ноября в Москве начинается фестиваль польской драматургии. Он откроется пьесой Ярослава Ивашкевича «Лето в Ноане», которая поставлена на сцене Театра имени Евг. Вахтангова.

Этот фестиваль — явление, характерное для братских культурных связей между нашими странами. Он свидетельствует о постоянном внимании советских людей к достижениям польского народа в области литературы и искусства. Столь же популярна и культура Страны Советов в социалистической Польше. О большом интересе к произведениям нашей драматургии в ПНР рассказывает в беседе с корреспондентом «ЛГ» видный деятель польского сценического искусства.

АДАМ ХАНУШКЕВИЧ — один из наиболее известных польских актеров и режиссеров, руководитель Национального театра, который уже в третий раз приезжает на гастроли в Москву. Ханушкевич был главным режиссером польского телевидения, занимался кинематографом. И^ю потому естествен первый вопрос:

— Как вы сочетаете работу в театре, кино, на телевидении?

— Опыт здесь у каждого свой. У меня так: работа в театре, я — против кино и телевидения, в кино — против театра и телевидения, на

телевидении — против кино и театра... Каждое искусство должно быть самим собой. Только тогда это — искусство, чье многообразие вполне возможно в пределах его специфики. Хотя можно заниматься разным, но что-то главное должно быть. У меня основное — режиссура, но даже не сама по себе, а как первейший компонент в руководстве театром.

— Но ведь начинали вы как актер, и к тому же удачно? Что привело вас в режиссуру?

— Трудно сказать... Меня всегда тяготило, что общая концепция спектакля, в кото-

ром я играю, принадлежит кому-то другому. Мне довелось играть великие роли — Гамлета, Дон Жуана, Раскольникова. С сильными партнерами я «мирился», но если партнер оказывался слабым и оттого в спектакле образовывалась пустота, — я всегда старался ее заполнить. Эта потребность сохранялась и когда я играл в спектаклях, которые ставил сам.

— А их целостности это не мешало?

— Не могу ответить на этот вопрос категорически, но думаю, что не мешало. Есть мера, которую допускает пьеса, я старался ей следовать и потому «выходил» за пределы своей роли не для того вовсе, чтобы продемонстрировать себя как акте-

ром я играю, принадлежит кому-то другому. Мне довелось играть великие роли — Гамлета, Дон Жуана, Раскольникова. С сильными партнерами я «мирился», но если партнер оказывался слабым и оттого в спектакле образовывалась пустота, — я всегда старался ее заполнить. Эта потребность сохранялась и когда я играл в спектаклях, которые ставил сам.

— Конечно. Это было и в других спектаклях. Режиссировать на репетициях мне мало, во время спектаклей хочу быть на сцене, актерское начало все-таки сказывается. И я выхожу на сцену, выбирая роли, в которых могу быть... режиссером сценической ситуации. И выстраиваю словно бы в двух лицах и дважды — как режиссер и как персонаж — пьесу, которую ставлю.

Национальный театр, руководимый Ханушкевичем, — коллектив, который, пользуясь нашей театраль-

ною всякой другой... Скажите мне, пожалуйста, Станиславский был экспериментатором?

— Безусловно.

— Вот вам и ответ на ваш вопрос!

— Когда Станиславский экспериментировал, художественный театр еще не был академическим...

— Но значил он в культурной жизни не меньше...

— И все-таки... Наряду с Национальным театром вы возглавляете Малый. Значит, в чем-то есть разница?

— Да, в архитектуре.

— В архитектуре!

— Могу пояснить. Театр — это актеры, режиссер, художник — одним словом, все, кто делает спектакль. Вечером мы вместе создаем его, и

ТЕАТР АДАМА ХАНУШКЕВИЧА

ра, а для того, чтобы общий замысел, каким я его видел, доходил до зрителя последовательнее, гонее.

Актер должен реализовывать себя предельно, однако — внутри общего замысла. Что касается собственной актерской работы, то быть частью целого, пусть своего целого — менее интересно. Поэтому актерская работа занимает для меня все более подчиненное положение по отношению к работе режиссера, руководителя театра.

— Одно наблюдение, которым я хотел бы поделиться. Во втором акте «Гамлета», которого вы ставили на сцене Национального театра, вы играли Призрака. В спектакле «Юность Мицкевича» были персонажем от театра. Это роли, в которых, при всем их очевидном несходстве, есть нечто общее — они в известной мере организуют спектакль, дают толчок развитию его действия, его мысли...

Здесь Ханушкевич, до того говоривший в свойственной ему стремительной, короткой манере человека, который

терминологией, можно было бы назвать академическим. Театр-академич... Нападает ли этот стиль на руководителей какие-либо особые обязанности? Такой вопрос действительно вытекал из хода беседы.

— Безусловно. Он ведет к особой творческой ответственности. Впрочем, какой театр не обязывает к ней? Когда я был главным режиссером телевидения, когда возглавлял «Театр Повзехны», то старался сделать все, что в моих силах. В такой же мере, как и сейчас...

— Но, может быть, академический театр — это повышенная строгость, отбор того, что уже отстоялось, — в результате экспериментов, после них!

— Когда работаю над спектаклем, об экспериментах не думаю. Это потом может оказаться, что в спектакле есть моменты экспериментальные. Если для наиболее точного, современного решения пьесы они необходимы — их присутствие на сцене Национального театра столь же правомерно, как и

со зрителем ты выберешь, в он уже диктует архитектуру. Уверен: покажи мы тургеневский «Месяц в деревне» на большой сцене, спектакль проиграл бы непоправимо...

Я видел этот спектакль, о котором уже писала «Литературная газета», и готов подтвердить: его обаяние, изящество, его доверительная камерность, когда зрители, окружившие сценическую площадку с трех сторон, максимально приближены к актерам, — все пропадет, если сидеть от этой площадки далее метров десяти. Но сегодня это единственный классический спектакль Малого театра. А в Национальном, напротив, текущий репертуар современных пьес на со-

держит, зато классики много, польской прежде всего. «Юность Мицкевича» (сделанная театром композиция на основе стихов, писем и дневниковых записей некоего поэта), «Визитница» Словацкого, «Свадьба Выпичевского», «С нечего на десяте» Фрейтра (также композиция театра) — два последних спектакля театр привез на гастроли в Москву. Значит, классика — это прежде всего Национальный театр?

— Сейчас да, хотя здесь нет никакого особого принципа. В Национальном театре шли современные пьесы, но такие, в которых было сильно романтическое, либо трагедийное, либо, наконец, сатирическое начало. Однако в великих пьесах прошлого эти начала, как правило, явственны.

— Ими сильно польская драматургическая классика... Несомненно. Перечисленные спектакли польской классики — не все, что мы ставили, а будем ставить еще больше. Через эти пьесы

сы должно пройти каждое поколение зрителей, каждое режиссерское и актерское поколение.

Воздействие Шекспира, Гоголя, Чехова на польского зрителя необходимо, огромно, но, понимаете... это все-таки Шекспир, Гоголь, Чехов не в оригинале. Плохой перевод обеднит великую пьесу, хороший — неизбежно добавит хоть что-то от личности переводчика. Это интересно, но и без общения с классикой в «чистом виде» нельзя, а такую возможность каждому народу дает только национальная классика.

— Вы назвали Гоголя, Чехова...

— Это писатели, которых разгадывать и разгадывать. Я уверен, театр откроет в них такие возможности, которые до сих пор совершенно не были реализованы.

Русскую классику Ханушкевич ставит постоянно. Заметным событием в театральной жизни Варшавы был «Ревизор». «Месяц в деревне» — спектакль гармоничный и цельный, в котором лирика и проза сплетены так, что одно без другого существовать не может. В «Трех сестрах», с которыми театр выступил на московских гастролях в прошлый раз, ироническое начало, как мне кажется, было слишком подчеркнуто, даже чуть излишне.

— Вот вы говорите, что в «Месяце в деревне» ирония уместна и правомерна, — отвечает Ханушкевич на мои мысли, высказанные вслух. — Ставя Чехова, чаще всего ищут драматизм, пирику, а ведь он все время говорил, что его пьесы — это комедии. Причуда гения? Чехову причуды несвойственны. Я знаю, это вопрос сложный; о расхождениях Чехова и Станиславского во взгляде на «Вишневого сада», к примеру, много написано. Мое мнение: надо внимательнее прислушаться к тому, что говорил автор, и следовать тому, что он говорил... Да, если хотите, в «Ревизоре», в «Женитьбе» гораздо больше лиризма, сочувствия героям. Гоголь их жалел, а Чехов... Работа, человеческий труд были для Чехова ценностью основополагающей, неразменной. Как же он мог

без иронии относиться к героям «Трех сестер» или «Вишневого сада», которые решительно ничего не делают и, в лучшем случае, только пространно говорят о работе?

— Но драма должна ощущаться на сцене...

— Совершенно по-особому. Насмешка, ирония, водевиль — и вдруг страшновато делается за людей, которые так беспечно страдают, за их бессмысленную, никчемную жизнь.

— Страшновато или больно?

— Это зависит от восприятия зрителя. Может быть, и то, и другое. И должно рождаться ощущение ясное, четкое: так жить нельзя.

Ханушкевич помолчал и продолжил тему — видимо, она занимала его чрезвычайно.

— Думаю, что в «Трех сестрах» мы пошли по правильному пути... Контакт со зрителем устанавливался естественно, хотя иногда и не сразу. А отношения с залом — это, что ни говорите, основное показание. Нас понимали, много смеялись — реакция точная. Спектакль хорошо принимался и в Польше, и в СССР. Хотелось бы, чтобы театр, которым руководил, был оригинальным, только не самого себя походящим. Но когда работаешь, не следует думать об оригинальности. Добытая таким запланированным способом, она будет вымученной, натужной. Сквозняками и канонами, и антиканонами в искусстве губительна.

Иногда мне кажется, что за семь лет, что я в Национальном театре, нам удалось создать нечто большее, чем просто сумму более или менее удачных спектаклей. Кажется... А уверенность на этот счет... Вы говорили: театр — академия. Еще говорят: театр — музей. Так вот, если по прошествии многих лет наш театр станет музеем, и молодежь будет ругать его, говоря, что это старо, надоело, что сегодня так уже нельзя, — отойди от дела и скажи с уверенностью: «У нас был театр свой, только на себя похожий». Но раньше... надо подождать.

К. ЩЕРБАКОВ

ВАРШАВА